Родилась в 1972 году в Омске. Окончила Литературный институт им М. А. Горького. Лауреат областной литературной премии им. Ф. М. Достоевского (1998). Дипломант Всероссийского литературного конкурса им. В. П. Астафьева (2006). Лауреат городского поэтического конкурса «Омские мотивы» (2008). Член Союза российских писателей. Автор поэтических книг: «Если б не ты…» (1998), «Рождение» (1999), «В такой погожий вечер» (стихи для детей), «На языке огня» (2004), «Одно только слово» (2006), «Полосатая корова» (2009), «Сны на склоне вулкана» (2009).

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРНГ

*

Вот и августа середина,
мелеют реки, обнажая обливники.
На перевалах, сначала на Кара-тюреке, –
внезапно снега…
По утрам за палаткою иней,
а горы особенно далеки,
чай стремительно стынет,
быстрей, чем по склону бежит кабарга.

Ветер тихо качает
белёсые ведьмины косы на мокрых ветвях…
Обещали – кроссовкам не будет износа,
а догорают в костре.
Вот и время пришло возвращаться домой,
вспоминать о делах,
но ещё не сегодня!
Он – мой –
день у августа на острие.

Конь гнедой ждёт меня,
а в последний ли, в первый раз –
не имеет значения! Живу настоящим днём
середины августа, а рядом – голубоглаз
бродит конь… Пожалуйста, гнедой,
за голубоглазым пойдём!

Он – большая редкость,
один на целый табун!
Обмелевшим рекам
подобны глаза его неспроста –
это лето замерло, зиме объявив табу,
это – середина августа.

*

Я встаю со словами: «Доброе утро, мир!»
Оживляю костёр, пока остальные спят.
Рядом бродят кони: Каря, Зигзаг, Эмир, –
на рассвете
каждый из них крылат.

Я сама – летаю… и, вскакивая в седло,
на вершины глядя, читаю я «Отче наш».
А под кровлей-крышей
молиться не так светло,
а светло и ясно – дорогою на Акташ.

Оговорка вышла: «**Снег** наш насущный дай!»
След в снегу оставили Каря, Эмир, Зигзаг…
Это – май!
Цветущий, солнечно-снежный май,
рододендрон розовый…
Коршуна хищный знак –

всем зверушкам прятаться…
ж**а**рка весны страда.
Вот и снег скукожился, кони вспотели, аж
заблестели розово –
как в райском саду – стада…
И цветы осыпались дорогою на Акташ…

НОЧНОЙ ШАМАН

Проснулась я…
от чего?
Не знаю.
Печка ещё не остыла.
Скрипнула дверью зимовья
и в одиночестве
на берег озера вышла…
Луна
в затылок уставилась…
Обернуться ли?
Нет!
Чёрные тени,
подобно лучам
обратной её стороны,
исполосовали склон.
Резкие лунные тени –
вот они – передо мной…

Что это?
Камень? Коряга? Крадущийся зверь?
Замер…
Нет… Это я
посреди полнолуния,
а там, за моею спиной,
белого звона полна…
Обернуться ли?
Нет!
Для шаманского бубна
важней обратная сторона!

Вдруг
лунные тени… вздрогнули,
заскользили по белой траве…
Обернуться ли?
Нет!
Это птицы Ульгеня летят,
быстрокрылые, чёрные птицы Ульгеня,
к ночному шаману.

Вжик! –
скрежета тонкую взвесь
насторожённым ухом ловлю…
Обернуться ли?
Нет.
Это седьмая, последняя птица Ульгеня
в медных когтях несёт
браги сосуд
ночному шаману.

Чу!
Дыхание чьё-то…
Ворохнулась косматая тень,
опадает, растёт, опадает…
Обернуться ли?
Нет!
Это конь вороной,
конь ночного шамана,
томится на привязи,
роет копытом
смолистую сырость…

Ом!
Обернуться ли?
Да!
Вот оно, полнолуние –
ночного шамана
удар.

ЗИМА В АРТЫБАШЕ

У Змеиной горы каменистый взлёт –
если снизу смотреть, там, где бьёт родник.
Дед-алтаец полную флягу везёт,
а вода – звяньк-звиньк!
Воздух чист настолько, настолько тих, –
дед чихнёт – на другой стороне села
лай собак ответит на дедов чих:
«Будь здоров, силач!»

Дед на деле покрепче гранитных глыб!
А душой подобен истоку реки…
Он – двужильный кезер, он – седой альп,
он – хозяин тайги.
А тайга за порогом – сурова, темна…
И светла и богата – для храбреца,
но в голодный год нашлёт шатуна –
не жалей свинца!

Одного такого, глазищи – мгла,
застрелил хозяин у самых дверей.
Обагрила медвежья кровь, обожгла
ледяных зверей…
Это дети слепили в канун Рождества!
Из игрушек – снег да конь Аргамак.
Младший сын по слогам читает едва,
а скакать – мастак!
И жена молодая в окно глядит.
Ай да дед! А когда поохотится он,
будет баня натоплена, стол накрыт,
и над крышей заснеженной воспарит
Орион.

*

Он один. Не спит. Читает,
окружённый тишиной,
а в ведре с водою тает
тонкий серпик ледяной.

Восполнением утраты
нарастает лунный диск,
серебря забор щербатый,
хату и тропинку вниз…

Тропку, тропку, по которой,
полнолунию видна,
подниматься будет скоро
та, любимая, одна.

ЛЕГЕНДА О ЗМЕИНОЙ ГОРЕ

Так ли уж невысока
Змеиная гора?
До заката
разожгу на вершине костёр.
Снег оплавился жертвенной чашей.
Огонь
рвётся на восточном ветру.
Огонь
подобен разбитому сердцу.

Огонь
виден издалека…

Посиди со мной у костра,
послушай
о Змеиной горе,
бесконечно-высокой Змеиной горе...

Когда-то,
по обычаю предков,
сюда, на вершину,
каждый юноша должен был на руках
возлюбленную занести,
прежде чем под удары медовые бубна
своей назовёт,
прежде чем…
Подожди!
Если дрогнет жених,
если милая ступит на землю
ещё до вершины –
обратится змеёй!
Бессловесною, скользкою тварью…
Сколько их, горемычных,
по склону во тьму ускользнуло!
Вот так-то…
Подкинь-ка дрова!
И не спрашивай,
где успокоились,
где же утихли разбитые горем сердца
бедных юношей, здесь потерявших невест…
Постой над обрывом,
отвесным обрывом
невысокой Змеиной горы
молча.

Ветер стихает…
Обнажаются белые звёзды…
В царстве Эрлика змеи клубятся,
тоскливо свистя…
Чёрный беркут
садится мне на плечо.
Медные когти
остры.

Ульгень *(Ульген) – в мифологии алтайцев и шорцев верховное божество, глава светлых чистых духов, населяющих небесную сферу мироздания.*

Кезер *– силач, воин (древнетюркское)*
Алып – богатырь (древнетюркское)

Эрлик *– в тюрко-монгольской мифологии, в том числе и в мифологии алтайцев, владыка подземного мира.*

Графика Татьяны Николаевой